

## Угроза в политическом дискурсе социальной сети как средство речевого воздействия

**Д. С. Коротаева**

*Южный Федеральный университет*

*Большая Садовая ул., 33/43, 344082, Ростов-на-Дону, Россия, E-mail: rudaya@sfedu.ru*

**Л. М. Месропян**

*Южный Федеральный университет*

*Большая Садовая ул., 33/43, 344082, Ростов-на-Дону, Россия, E-mail: lmmesropyan@sfedu.ru*

В статье рассматриваются механизмы речевого воздействия политического дискурса на базе конфликтогенных текстов менасивного характера. Выделяются и характеризуются стратегии, приёмы и тактики адресанта, определяющие прагматическую направленность высказываний политиков в социальной сети. Проводится детальный анализ интенций говорящего, реализующихся на лексическом, грамматическом и стилистическом уровнях и обладающих сильным персуазивным эффектом. Язык политика коррелирует с речевой организацией картины мира, формирующей определённые мнения относительно событий или личностей в массовом сознании.

**Ключевые слова:** политический дискурс; менасивный речевой акт; косвенная угроза; прямая угроза; манипулирование; политический фон; микроконтекст; речевое воздействие.

## Threat in the Political Discourse of a Social Network as a Means of Speech Influence

**D. S. Korotaeva**

*Southern Federal University*

*33/43, Bolshaya Sadovaya St, Rostov-on-Don, 344082, Russia, Email: rudaya@sfedu.ru*

**L. M. Mesropyan**

*Southern Federal University*

*33/43, Bolshaya Sadovaya St, Rostov-on-Don, 344082. Russia, Email: lmmesropyan@sfedu.ru*

The article discusses the mechanisms of speech influence of political discourse based on conflictogenic texts of menacing nature. The strategies, methods and tactics of the addressee, which determine the pragmatic orientation of the statements of politicians on the social network, are defined and characterized. A detailed analysis of the speaker's intentions, realized at the lexical, grammatical and stylistic levels and having a strong persuasive effect, is carried out. The language of a politician correlates with the speech organization of the picture of the world, which forms certain opinions regarding events or personalities in the mass consciousness.

**Key words:** political discourse; menacing-speech-act; indirect threat; direct threat; manipulation; political background; microcontext; speech influence.

Статья посвящена изучению особенностей политического дискурса в рамках коммуникации политических деятелей на базе социальной сети Twitter и Instagram. Неравнодушное отношение общества к политическим событиям в мире, недостаточная изученность механизмов речевого воздействия в политической сфере, наряду с когнитивным моделированием сообщений публичных выступлений и с особенностями языкового построения, объясняют актуальность нашего исследования. В данной статье нами рассмотрены и комплексно проанализированы цитаты политиков регионального и федерального уровней с целью выявления речевого акта угрозы, описания стратегий, тактик и языковых средств выразительности, применяемых политическими деятелями при передаче политической информации. Иными словами, объектом исследования являются различные конфликтогенные тексты политических деятелей, содержащие менасивные акты. В качестве предмета исследования выступают способы реализации стратегий и тактик речевого воздействия в интернет-дискурсе, которые определяют прагматическую направленность публичных высказываний политика. Роль социальных сетей на сегодняшний день трудно недооценить. Интернет превратился в действенный инструмент власти, политиков и политических партий. «Слуги народа» активно используют социальные сети для формирования эффективного политического имиджа, продвижения, поддержки электората и манипулирования общественным мнением.

Изучение политического дискурса входит в профессиональную компетенцию известных лингвистов, политологов, таких как А.Н. Баранов, П.Б. Паршин, Т. Ван Дейк, А.И. Соловьева, Е.И. Шейгал и др. На современном этапе развития юрислингвистики среди

множества определений «политического дискурса» общепринятого определения данного термина не существует. В своём исследовании мы придерживаемся точки зрения Т. Ван Дейка. Он считает, что политический дискурс – это класс жанров, ограниченный социальной сферой, а именно политикой. Правительственные обсуждения, парламентские дебаты, партийные программы, речи политиков – это те жанры, которые принадлежат сфере политики [цит. по Баранов 2001]. Следовательно, политический дискурс – это речевая организация картины мира, присущая политикам. По мнению В.З. Демьянкова, главная цель политического дискурса – это внушение, характеризующееся как навязывание определённых идей или действий, формирование определённых мнений относительно событий или личностей в массовом сознании [Демьянков 2002]. Речевое воздействие является неотъемлемым компонентом политического дискурса. Оказывая влияния друг на друга, участники коммуникации демонстрируют двустороннюю направленность этого процесса. Функцией политического дискурса является суггестия, то есть осуществление эмоционального или психического воздействия на адресата посредством внушения установок или убеждений. Результат речевого воздействия заключается в изменении поведения, эмоционального состояния адресата, а также его отношения к происходящим событиям. Анализируя политический дискурс, необходимо учитывать особенности сознания участников речевого акта, оказывающие влияние на индивидуальное восприятие речи, специфический политический фон, а также определённую ситуацию, в которой был создан текст [Шейгал 2004].

Поскольку речь – это результативное орудие политиков, а от способа ее выражения и подачи зависит достижение политических целей, то логично предположить, что лидеры организаций будут использовать мощные инструменты привлечения внимания реципиентов и воздействия на них.

Одним из агрессивных речевых актов является угроза. Угроза, по определению Большой советской энциклопедии, – это «намерение нанести физический, материальный или иной вред отдельному лицу или общественным интересам, выраженное словесно, письменно, действиями либо другим способом». Являясь тактическим средством манипулирования адресатом, угроза также преследует цель принудить оппонента действовать согласно предъявленным требованиям. В политической коммуникации угроза используется как тактический прием манипуляции противником в ситуациях с диаметрально разными целями, например борьба за власть и переговоры. Ситуации, когда адресант позволяет себе нарушить правила вежливости и прибегнуть к угрозам в политическом дискурсе, охватывают определенные тематики: военный конфликт с применением силы и метода ультиматумов, социокультурные и политико-дипломатические международные связи и их разрыв, борьба претендентов за реальную власть.

Речевой акт угрозы как форма прямого и косвенного речевого поведения мало разработан в современной юридической лингвистике. В первую очередь это связано с кажущейся очевидностью угрожающего значения. Действительно, значение прямой угрозы обычно очевидно для носителей русского языка, однако косвенная угроза нередко вызывает споры относительно её трактовки, которые требуют вмешательства специалиста-языковеда. Речевые акты, как известно, в процессе речевой деятельности могут обмениваться качествами, нейтрализоваться в определённых типах контекстов. Речевой акт угрозы редко существует сам по себе, чаще это одна из агрессивных речевых стратегий манипулирования, давления на собеседника. В таких случаях необходимо привлечение эксперта-филолога для выявления вероятности восприятия речевого акта как угрозы.

Речевой акт с эксплицитно выраженной интенцией, когда «говорящий имеет в виду ровно и буквально то, что он говорит», в теории речевых актов носит название прямого речевого акта. «Средством выражения иллокутивного характера прямых речевых актов является перформативная формула (личное местоимение 1 л. + глагол в 1л., ед.ч. наст.вр., индикатив), которая показывает однозначное соответствие между иллокутивной функцией и перформативным глаголом, номинирующим ее» [Долинин 1983].

Для детерминации акта угрозы используются различные языковые средства:

1. Средства синтаксиса (действительный/страдательный залог, модальность, параллельные конструкции, повторы и т. д.). С помощью синтаксических средств представляется возможным сокращение или увеличение дистанции между событием и субъектом, изменение эмоционального настроения (темп, модальные указатели), расстановка акцентов на нужных и выгодных смыслах (повторы, параллельные конструкции, перестановка) и прочее.

2. Лексико-семантические средства, включающие в себя омонимы, историзмы, эвфемизмы, жаргонную, оценочную лексику и т. д. Принято считать, что из-за большого разнообразия семантики лексики наиболее многофункциональным инструментом манипуляции выступает отбор используемых слов.

3. Морфолого-семантические и словообразовательные средства. Стоит также отметить, что использование таких средств делает возможным создание оценочно- или эмоционально-окрашенных неологизмов, которые затем употребляются как слова-маркеры определенных социальных групп [Ерофеева 2014].

В качестве иллюстрации прямой угрозы нами были взяты цитаты лидера национал-большевистской партии – Лимонова Эдуарда Вениаминовича, пропагандирующего оппозиционную идеологию.

«По смерти Назарбаева Россия должна предъявить претензии на половину территории Казахстана (другую половину – восток и юг Казахстана разумно уступить Китаю, таким образом, разделив ответственность за полное упразднение Республики Казахстан). Рекомендую взять в Российскую Федерацию целый пояс городов к югу от российско-казахской границы, начиная с Уральска через Семипалатинск и включая Усть-Каменогорск, и таким образом включить в себя и Южный Алтай».

«Не отберёте – прокляну! Всё у вас будет не получаться!»

Модальность со значением долженствования отражена в слове «должна», которая в сочетании с метонимией «Россия» выражает предполагаемую неизбежность действия, что указывает на безальтернативность выбора. Волонтивность, побудительная желательность, необходимость совершить определенное действие представляют собой оттенки значений вышеупомянутой категории модальности. Лексемы «рекомендую», «прокляну» соответствуют перформативной формуле: форма глагола первого лица единственного числа настоящего времени в индикативе (изъявительном наклонении), которая квалифицирует соотношение иллокутивного характера выражения и номинирующего его перформативного глагола как прямой речевой акт угрозы. Тактика угрозы заключается в запугивании оппонента, предрекании ему наказания в будущем. Данный пример филигранно иллюстрирует признаки, присущие прямой угрозе, заключающиеся в императивности и радикальном характере высказывания.

Таким образом, в данных цитатах прослеживается высокая степень прямой речевой агрессии, что даёт основу расценивать агрессию как идеологическую платформу партии национал-большевиков.

Если же в речевом акте говорящий «имеет в виду и прямое значение и, кроме того, нечто большее», такой речевой акт характеризуется как косвенный акт [Серль 1986]. ИмPLICITное содержание высказывания, как правило, не имеет специальных средств для своего выражения и выводится из содержания высказывания, общей ситуации речи или общих фоновых знаний участников коммуникации.

Именно косвенная угроза как вызывающая наибольшее число вопросов чаще всего попадает на исследование к лингвисту-эксперту.

Зная о возможном наказании, говорящий пытается замаскировать прямую угрозу под другие речевые акты.

На наш взгляд, примером косвенной угрозы является следующая цитата Мальцева В.В.: «п.О.К.А. путин Одался Китайскому Агрессару

С.п.А.С.И.Б.О. Смерть (Суд) путину А Следом и Банде Озерной  
п.О.Р.А. путин Оденет Робу Арестанта»

В данном контексте угроза выражена имплицитно, при этом подтекст и общий фонд знаний адресата и адресанта определяет её семантику и косвенный характер. Коммуникативная интенция Вячеслава Мальцева в первой строчке выражена в форме субъективной констатации фактов, реализованной с помощью приёма интенсификации оценки, поскольку автор данных слов утрирует действительность, чтобы показать реципиенту свою субъективную картину мира. Смысловая составляющая анализируемого высказывания заключается в следующей пресуппозиции: во-первых, адресат сделал что-то неодобрительное, по мнению адресанта; во-вторых, адресант намекает на наказание. Грамматическими признаками угрозы в исследуемом языковом материале являются предикаты в форме будущего времени. Тактика угрозы реализуется за счет использования параллельных синтаксических конструкций, выражения «Оденет Робу Арестанта», аллюзии «Банда Озёрная» и акроконструкции в сочетании с выделенной строчной буквой «п», что способствует достижению перлокутивного эффекта, призванного описать плачевное, по мнению В. Мальцева, будущее его оппонента.

Все семантические, стилистические и грамматические признаки, выделенные нами в приведённом выше примере, позволяют идентифицировать план содержания высказывания как косвенную угрозу, микроконтекст которой не выражает намерение адресанта эксплицитно. Тем не менее, воздействие на реципиента всё же оказывается. Оно заключается в навязывании реципиенту идей инвектора (адресанта), агитации против инвектума (адресата), реализуясь в коммуникативной стратегии – антиреклама. Феномен «идеологическая борьба» уместен в данной ситуации, так как идёт воздействие на население собственной страны в целях подрыва морального духа, подрыва авторитета власти, внесения смуты, получения поведенческой реакции.

Таким образом, перед нами пример речевого агрессивного манипулирования, в котором явно прослеживается «оппозиционная» идеология, где объекты агрессии создаются целенаправленно, в угоду определенным идеологическим установкам. Язык используется для искажения информации в целях контроля над сознанием и поведением людей.

Разные определения косвенных речевых актов объясняются, прежде всего, их разнообразием. «Степень косвенности может варьироваться от низкого уровня, в котором она определяется лексическим составом предложения, до высокого уровня, где прагматическое значение высказывания может быть определено только с подключением окружающего контекста или фоновых знаний» [Серль 1986].

Нижеприведённая нами цитата является примером средней степени косвенности: «Важно продемонстрировать мощь оборонной промышленности и добиться дальнейшего прорыва, чтобы отправить больше «обернутых подарков» для США».

Автор данной цитаты – северокорейский политический деятель Ким Чен Ын. Дескриптивный метод описания языка помогает сразу установить, что компоненты лексического значения представлены глаголами нейтральной семантики. Такие глаголы в изолированной позиции по отношению к семантической связи не указывают на отнесенность высказывания к числу менасивных. В случае косвенной реализации угрозы восприятие высказывания складывается из контекста, лексико-грамматического элемента и общей политической картины мира. Следовательно, военная лексика, союз цели «чтобы», метафора «обернутые подарки», которая подразумевает под собой баллистические ракеты КНДР, а также тот факт, что высказывание принадлежит лично лидеру Северной Кореи, дают возможность расценить анализируемый материал как официальное выражение своеволия и непреклонности. С помощью приёма иронии «отправить больше «обернутых подарков» критикуется абсурдность резолюции ООН, вопреки которой Пхеньян осуществляет запуск баллистических ракет с целью испытать их. Тактика угрозы достигает перлокутивного эффекта за счет интенции запугивания в целях изменить отношение адресата к многочисленным нарушениям Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД). Отсюда следует, что обращение к сложившейся политической обстановке в мире позволяет квалифицировать анализируемое высказывание как речевой акт угрозы, который обретает свою семантическую однозначность в конкретной ситуации. Экстралингвистические факторы дают основания говорить о ситуации конфликта, с вероятностью его превращения в военный. При рассмотрении косвенного речевого акта угрозы необходимо опираться на общий контекст, поскольку для понимания менасивных актов требуются знания, уходящие за пределы контекста, и учёт обстоятельств, в которых осуществляется коммуникация. Говоря иначе, «вне контекста невозможно осуществление экспрессивно-коммуникативной функции языка, так как однозначность языковой формы возможна только в заданных условиях и получает свое смысловое выявление только в конкретном построении» [Колшанский 1959].

«Наша цель — мир, а не война. Мы не угрожаем России, но в перспективе нам нужна долгосрочная союзническая стратегия, а также диалог, который ведется с сильной позиции обороны и сдерживания».

В изречении румынского политического деятеля Клауса Йоханниса в качестве коммуникативного содержания выступает констатация факта в форме утверждения. Противительные союзы «а», «но» в сочетании с частицей «не» отображают отрицательное высказывание в значении утвердительного, согласно принципу обратной корреляции условных менасивных конструкций. Интенцией адресанта, с одной стороны, является доброжелательная демонстрация планов по наращиванию военного потенциала, а с другой стороны – изъясление своей готовности и решительности. Тактика косвенной угрозы воплощается через приём – ультиматум, о чём свидетельствует акцент на эпитете «сильная позиция обороны и сдерживания». Исходя из определений данных терминов, пропозицию высказывания можно передать следующим образом без ущерба для смыслового наполнения: «Россия должна быть союзником Румынии, не забывая о боевой готовности и укомплектованности Румынии, которая в случае нанесения первого удара противником ответит максимально возможным уроном, оказав тем самым неминуемое и заслуженное возмездие». Предикативное наречие «нужна», инклюзивные местоимения «мы» и «наша» квалифицируют речевой акт как угрозу-предупреждение, где в намерение адресанта не входит применение насилия в отношении адресата. То есть формируют в сознании реципиента положительную бенефактивность, когда адресат не обязан каузировать мгновенное выполнение действия, но должен пересмотреть свои планы поведения. В этом свете предупреждение близко к совету, поскольку может быть расценено как рекомендация на будущее. Некатегоричная форма поллицитации (обещания) негативных последствий смягчает коммуникативное намерение говорящего. В этой связи мы наблюдаем речевой акт, в основе которого лежит желание заставить избежать опасности, предупредив о возможных неблагоприятных последствиях. Такой речевой акт-предупреждение «представляет собой вид суггестива, основанный на прагматической пресуппозиции желания адресата не действовать вопреки своим интересам после извещения об опасности» [Ерофеева 2014].

Таким образом, угроза, будучи механизмом речевого воздействия, подразумевает под собой языковой приём влияния на сознание, на процесс принятия человеком тех или иных решений, реализующихся на лексическом, грамматическом и стилистическом уровнях языка и обладающих сильным персуазивным эффектом. Без применения метода полного прагматического описания коммуникативного события квалификация речевого акта в случае с косвенными речевыми актами может быть осуществлена лишь с долей вероятности. Только в совокупности с другими доказательствами, а именно описанием речевых ролей коммуникантов, особенностей их речевого поведения, квалификация речевого акта будет являться подтверждением или опровержением наличия злого умысла у говорящего.

В ходе исследования мы пришли к выводу, что побудительная интенция говорящего способна превратить практически любой речевой акт в акт угрозы при наличии обещания негативных последствий. В данном случае можно выявить стратегию повышения уровня прагматического воздействия (т.е. побуждение к действиям), воплощающуюся в тактике – план, где содержится имплицитное или эксплицитное указание на определенные действия (делайте так). Мы установили, что эффективность речевого воздействия заключается в апелляции к когнитивной и эмоциональной сфере реципиента. Также было зафиксировано влияние экстралингвистических факторов на понимание в полной мере сущности акта угрозы в политическом дискурсе, прагматической установкой которого является последовательное убеждение адресата в приемлемости выражаемого мнения. Разнообразие стратегий и приёмов, обозначенных нами в данном исследовании, подчёркивает императивность и радикальный характер менасивного речевого акта, целью которого является убеждение и манипулирование аудиторией в социальных сетях.

## Литература

- Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. – М., 2001.  
Демьянков В.З. Политический дискурс: история и современные исследования. – М., 2002. – С. 32-43.  
Долнин К.А. Имплицитное содержание высказывания / Вопросы языкознания. – 1983. – № 6. – С. 38-43.  
Ерофеева Е.В. Речевые акты угрозы и предупреждения и их косвенная реализация во французском дискурсе / Политическая лингвистика. – 2014. – № 4(50). – URL: <https://ru.booksc.xyz/ireader/50774592>  
Колшанский Г.В. О природе контекста / Вопросы языкознания. – 1959. – № 4. – С. 47-53.  
Серль Дж. Что такое речевой акт / Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. – М., 1986. – С. 151-169.  
Серль Дж. Косвенные речевые акты / Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. – М., 1986. – С.195-222.  
Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – М., 2004.

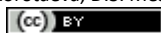
## References

- Baranov, A.N. (2001). Introduction to Applied Linguistics. Moscow (in Russian).  
Demyankov, V.Z. (2002). Political discourse: history and modern research, 32-34 (in Russian).  
Dolinin, K.A. (1983). Implicit content of utterance. Questions of linguistics, 6, 38-43 (in Russian).  
Erofeeva, E.V. (2014). Threat and warning speech acts and their indirect implementation in French discourse / Political Linguistics, 4 (50). Available from: <https://ru.booksc.xyz/ireader/50774592> (in Russian).  
Kolshansky, G.V. (1959). On the nature of the context. Questions of linguistics, 4, 47-53 (in Russian).  
Searle, J. (1986). What is a speech act. New in foreign linguistics, 17, 151-169 (in Russian).  
Searle, J. (1986). Indirect speech acts. New in foreign linguistics, 17, 195-222 (in Russian).  
Shegal, E. I. (2004). Semiotics of political discourse. Moscow. (in Russian).

### Citation:

Коротаева, Д.С. Месропян, Л.М. Угроза в политическом дискурсе социальной сети как средство речевого воздействия. // Юрислингвистика. – 2020. – 16. – С. 19-22.

Korotaeva, D.S. Mesropyan, L.M. (2020). Threat in the political discourse of a social network as a means of speech influence. Legal Linguistics, 16, 19-22.



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License